

**Жизнь для эвритмии.
Автобиография с
дополнениями Бригитты
Шрекенбах**

Про книгу

У книжці представлена біографія одного з перших майстрів нового мистецтва руху — евритмії, — що зародилося у Середній Європі на початку ХХ століття на ґрунті духовної науки, відомої як антропософія. Життя Тетяни Кисельової являє собою дивний шлях людини з передреволюційної Росії, де вирують народні заворушення і йде марний пошук соціального і духовного зцілення. Шлях цієї людини проходить крізь шукання істинного духовного змісту, який би міг допомогти країні і її людям, і приводить до знаходження його в особі духовної науки і нового мистецтва. Це доля емігранта, який, проте, не загубив себе в тузі за Батьківщиною, але знайшов таки джерело для її духовного зцілення і віддав все своє життя його розвитку.

Татьяна Киселева

ЖИЗНЬ ДЛЯ ЭВРИТМИИ

*Автобиография
с дополнениями Бригитты Шрекенбах*

Аннотация

В книге представлена биография одного из первых мастеров нового искусства движения — эвритмии, — зародившегося в Средней Европе в начале XX века на основе духовной науки, известной как антропософия. Жизнь Татьяны Киселевой являет собой удивительный путь человека из предреволюционной России, сотрясаемой народными волнениями и тщетно ищущей социального и духовного исцеления, через поиски истинного духовного содержания, способного помочь стране и ее людям, к обретению такового в лице духовной науки и нового искусства. Это судьба эмигранта, который, однако, не потерял себя в тоске по Родине, но нашел таки источник для ее духовного исцеления и отдал всю свою жизнь его развитию.

ISBN 978-3-89979-038-2

ISBN 978-966-8838-44-6

© Verlag Ch. Möllmann, 2008

© «НАИРИ», перевод, редакция и оформление, 2011

Предисловие к русскому изданию

Эта книга описывает жизнь одного из тех многих русских людей, которые в начале XX века искали новые, здоровые пути для развития своей страны, с одной стороны, предчувствуя какую-то особую ее задачу, а с другой — видя, что ее прежний жизненный уклад вот-вот рухнет, и это будет справедливо. К разным источникам привели их эти поиски. Кто-то искал на Востоке, кто-то — на Западе, а кто-то — в собственной «загадочной душе».

Татьяна Киселева, одна из первых мастеров нового искусства движения — эвритмии, — тоже искала ответы на Западе. Однако, пройдя через боль и страдания, нашла там нечто совершенно противоположное тому, что в результате, прийдя с Запада, воплотилось в 1917-м и привело Россию чуть ли не на край гибели. И удивительное дело — в этом найденном ею посреди Европы источнике ее «загадочная русская душа» узнала нечто очень родное, даже, можно сказать, нечто, в чем вся ее «загадочность» только и обретает свой смысл и значение.

Потому в этой книге описывается не только — может быть, даже не столько — биография одной личности, сколько образ вообще «русской души», которая однажды таки нашла родной для себя духовный источник, тоже признавший в ней «свою», и характер их взаимоотношений.

Быть может, это станет неким праобразом для всех наших «загадочных ищущих душ»...

Сергей Копыл

I. Вступление

Татьяна Киселева попросила нас, своих последних учеников, не сообщать в газетах о ее смерти. Мы выполнили эту просьбу.

Однако теперь кажется, что об этой уникальной эвритмистке все больше забывают. При этом мы бесконечно обязаны ей — той, которая когда-то в Дорнахе сыграла решающую роль в становлении эвритмии. Сколько всего было вызвано к жизни благодаря ее эвритмии, и как она была величественна! В 1970 году Гритли Экингер, одна из руководительниц школы эвритмии в Дорнахе, сказала своим ученикам, находясь вместе с ними у постели умершей Татьяны Киселевой: «Это была самая одухотворенная эвритмистка из когда-либо живших на земле».

Татьяна Киселева навсегда осталась в памяти тех, кто видел ее высокое искусство. И такой же незабываемой осталась она для своих учеников, которые учились у нее и которым посчастливилось в течение многих лет под ее руководством работать над многочисленными выступлениями. Они познавали ее живое художественное чутье, полную самоотдачу и серьезное устремление, с которыми Татьяна Киселева проникала в духовную науку Рудольфа Штайнера в постоянном стремлении точно осуществить его идеи. Эти идеи были известны ей не понаслышке: на протяжении многих лет она была непосредственной соратницей Рудольфа Штайнера.

Большинство людей не осознает, чем и по сей день обязана эвритмия Татьяне Киселевой. Невозможно представить, какой стала бы эвритмия без нее. В своей художественной и педагогической деятельности она самозабвенно отдавала людям весь приобретенный опыт. То небольшое, что мы находим

сегодня в книгах Татьяны Киселевой, не может дать нам полного представления обо всем богатстве, которое исходило из ее художе-ственно-эвритмической деятельности. При Рудольфе Штайнере она находилась в центре антропософской жизни в Дорнахе. Благодаря ее непосредственному сотрудничеству с Рудольфом и Марией Штайнер эвритмия достигла первого значительного расцвета. Нам, представителям последующих поколений, трудно себе представить, как жила и процветала тогда эвритмия.

Кем же была эта женщина, которую Рудольф Штайнер, только повстречав, сразу признал важным деятелем антропософского движения? Позднее он сказал, что она — носитель импульса и поэтому должна находиться на важном положении в Дорнахе. Что это был за импульс, с которым Татьяна Киселева с самоотдачей служила антропософии?

Множество тайн окружает этот женский образ, для большинства она оставалась загадкой. Причиной могло быть то, что Татьяна Киселева всегда ставила себя как личность на задний план, служила лишь своей великой задаче, полностью отдаваясь воплощаемой в искусстве теме. Она никогда не стремилась показать себя — на первом месте всегда было дело. Важнее всего была цель, к которой мы все идем. Во всем Татьяна Киселева следила за тем, чтобы ее работа соответствовала взглядам Рудольфа Штайнера, все должно было выдержать проверку перед его духовным взором.

Она также сразу осознала огромное значение выдающихся способностей и достижений Марии Штайнер и с полной самоотдачей присоединилась в качестве ученицы к ее деятельности. Заслуга Татьяны Киселевой еще и в том, что она раскрывала своим ученикам образ этой великой ближайшей соратницы Рудольфа Штайнера, внутренне сближая их с ней,

давая им почувствовать, как самоотверженно и с каким полным пониманием Мария Штайнер посвятила себя его великому делу.

Татьяна Киселева впервые встретила Рудольфа Штайнера в 1911 году и сразу узнала от него о своей большой жизненной задаче. В 1914 году Рудольф Штайнер пригласил ее в Дорнах для развития эвритмии. Он напутствовал Татьяну, еще немного сомневающуюся, словами о том, что она могла бы защитить эвритмию от грозящей ей душевной пустоты и сохранить ее истинную духовную, сакральную основу. Что же из этого вышло?

Когда однажды, в 1956 году, я спросила Татьяну Киселеву, была ли она на эвритмическом представлении, Татьяна ответила: «Я не хожу на них: это уже не имеет ничего общего с эвритмией». Меня очень напугал такой ответ: прошло уже три года с тех пор, как я получила диплом эвритмистки, и для меня предлагаемое было эвритмией.

После этого я не спрашивала у Татьяны, что она имела в виду, а присоединилась к группе работавших с ней и старалась почувствовать, узнать, что у нее могло быть по-другому, что она хотела, чтобы было по-другому. Напрямую Татьяна не критиковала эвритмию других. Она просто представляла свою эвритмию. Два семилетия я была сопричастна ее деятельности и всегда задавала себе вопрос: «Что еще я могу почерпнуть из искусства Татьяны?» В течение более четырех последующих семилетий я вновь и вновь спрашиваю себя: «Что же это было?».

Татьяна Киселева написала книгу воспоминаний «Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером». В этих воспоминаниях чувствуется дыхание духа, они могут быть богатым источником для эвритмистов. В них звучит ее чистая душа, исполненная самопожертвования.

Я встречала людей, которые пытались серьезно проработать те импульсы, которые Татьяна Киселева дала в своих книгах. И

все же мне приходилось убеждаться, что эвритмически представляемое этими людьми не соответствовало тому, что показывала она сама. У нее это не шло от размышлений, а просто присутствовало. У других, черпавших импульсы для эвритмических движений из разговоров с Татьяной Киселевой, тоже не получалось, опираясь на ее краткие указания, передать художественную реальность ее эвритмии.

Новое поколение эвритмистов вызывает у меня ощущение, что им вообще мало что досталось от предшественников. Когда в 1982 году на конференции для руководителей эвритмических школ меня попросили записать все мои воспоминания об эвритмической работе с Татьяной Киселевой, я столкнулась с большими сложностями. Я задавала себе вопрос: можно ли понять ее эвритмию, ее работу, то, как она относилась к делу, без знакомства с ней — с той, от которой все это шло, — без непосредственного собственного опыта? Ведь все ее существо было глубочайшим образом проникнуто эвритмией — и, кажется, это было присуще ей с детства, задолго до появления эвритмии в мире.

Рудольф Штайнер говорил, что невероятно сложно выразить нечто в отношении искусства словами. Он сам во многих обращениях к публике перед эвритмическими выступлениями и в некоторых докладах пытался донести суть эвритмии до слушателей. Также очень много Рудольф Штайнер сказал во время чтения курсов по эвритмии и проведения консультаций для занимающихся эвритмией. И все же чувствуется, что он всегда высказывался очень осторожно. Этим он подчеркивал, что интеллектуальное обращение к искусству разрушает многое из того, что в нем действительно художественно. Искусство черпает свою жизнь совсем из других истоков. Мы должны приближаться к ним бережно.

Так, в докладе 15 февраля 1918 г. в Мюнхене (ПСС 271) Рудольф Штайнер отмечает, что нельзя говорить об искусстве в научно-эстетическом смысле, так как мы постоянно мешаем самим себе развитием мысли. Мысли всегда нехудожественны. Вместо этого хорошо говорить о том, что пережил человек благодаря искусству: радость, духовное очищение и т.д. — «подобно тому, как человек ощущает потребность поделиться пережитым со своим хорошим другом. Об искусстве нужно говорить, исходя из определенной полноты сердца, не из критического элемента, и не претендовать на выражение своими словами чего-то закономерного или универсального, осознавать, что они выражают по сути лишь нечто субъективное».

Татьяна Киселева никогда не вносила ничего личного в то, что подлежало художественному отображению, в то, над чем работала. При описании совместной с Рудольфом Штайнером эвритмической работы она оставляла в стороне все личные желания и потребности, отличалась большой скромностью и не придавала значения собственным заслугам. Но при этом мы замечали, что с возрастом Татьяна Киселева все больше делилась с учениками воспоминаниями о своей жизни. Мы видели, как она воспринимала эвритмию: для нее это была индивидуальная сущность, которую Татьяна воплощала в жизнь. Она умела выразить объективные мировые события, исходя из требований времени и из того, что сама привнесла в земную жизнь и развила до новых способностей. Как будто скромно хотела сказать: «Я, ограниченное человеческое существо, сейчас восприняла это вот таким образом».

Татьяна Киселева не провозглашала абстрактных истин, а выражала лично ею познанное и проделанное. Представленное в образах, пережитое всем человеческим существом — таким должно было быть все, что сообщалось об эвритмии. На

примере самых разнообразных жизненных ситуаций, с помощью упражнений она передавала нам создающие настроение образы. На первый взгляд это могло показаться хаотичным, но на самом деле она шаг за шагом все глубже погружала нас в эвритмию. Под руководством Татьяны все становилось для нас дорогим и близким, как бы само собой разумеющимся. Мы всегда чувствовали себя словно на родной почве, и казалось, что создаваемое нами было на самом деле чем-то глубоко внутренним.

С ее помощью мы заглядывали и в бездны мироздания, с которыми ей самой пришлось не раз столкнуться в жизни. Она обращала наше внимание на многие опасности, подстерегавшие такой новый и еще хрупкий импульс в искусстве и постоянно стремившиеся напасть и уничтожить его. Мы учились распознавать, как лишённые фантазии противодействующие силы проявляли себя в одних и тех же повторяющихся атаках.

В «безработные» последние военные годы Татьяна начала писать автобиографию, которую, однако, передала лишь самым близким своим ученикам под конец эвритмической работы в Мальше. Автобиография не предназначалась для публикации. Когда Татьяна Киселева посвящала нас в отдельные эпизоды своей жизни, я понимала, что это лишь подготовка для наших эвритмических упражнений. Она обладала удивительным даром рассказчика, ее истории всегда представляли перед нами в новом свете и в новых красках, рождая образы и настроения. Мы должны были быть до глубины души тронуты, наполнены настроениями и чувствами, чтобы не через размышления, не абстрактно приблизиться к переживанию художественного и к художественной деятельности. Татьяна всегда говорила об эвритмии как о том, что она «пережила с хорошим другом». И этот хороший друг, кажется, всю жизнь был рядом с ней. Ее существо с детства было неразрывно с ним связано.

Особенно часто в качестве подготовки к упражнениям она делилась с нами замечательными историями из своего детства. У нее всегда было стремление с глубоким благоговением и сдержанностью обратить внимание человека на дремлющие в нем незаметные силы, которые с детства сокрыты, а теперь должны быть разбужены к новой жизни. Силы и способности, которые мы еще совершенно неосознанно использовали в первые годы жизни, отзвук которых еще проявлялся в детском восприятии и детских играх, теперь должны быть открыты и освоены, чтобы мы могли осознанно обращаться с ними. С таким же душевным настроем, который жил в нас еще в невинном детстве, нам следует приближаться к этим силам, благоговейно, не через самонадеянный разум, так как подобное может быть познано лишь подобным. В кажущихся иногда несущественными рассказах Татьяны о годах своего детства заключались истины, которые она передавала благодаря своему художественному чутью и которые становились откровениями для сердца.

С каким удовольствием слушала я свою учительницу, когда она рассказывала о Рудольфе Штайнере, с которым ей посчастливилось долгое время лично общаться! Его образ жизни, то, как он совершенно скромно и без притязаний посвящал себя своей работе, его энергия и юмор, большая доброта в сочетании с очень серьезной строгостью — все это живо и красочно затрагивает глубокие душевные пласты человека и является вратами, облегчающими доступ к его духовным трудам. Благодаря таким рассказам становилось понятно, почему Рудольф Штайнер советовал эвритмистам подробно изучать жизнь, внешность того поэта или композитора, чье творчество они хотят представить в эвритмии.

Если посмотреть на то, что сам Рудольф Штайнер рассказывает в книге «Мой жизненный путь», можно почувствовать присутствующие там особые оттенки, не выражаемые в словах. В полных настроениях, наглядных образах он передает скрываемое за словами или между ними. Для пояснения приведу небольшой эпизод из детства Рудольфа Штайнера.

В местечке Нойдерфель жил мальчик, приехавший издалека. Среди детей он всегда оставался в какой-то степени «чужаком», как он сам это описывает. «Чужаком» в среде посвященных называли того, кто был призван к посвящению. Однако Рудольф Штайнер не высказывает этого. Он рассказывает о том, как каждый раз осенью, когда стоявшие вдоль большого деревенского луга ореховые деревья сбрасывали свои многочисленные плоды, между деревенскими мальчишками начиналось соревнование. Кто насобирает больше всех орехов, того признавали «королем». Мальчик Рудольф не относился к тем, кто свои сокровища, свое богатство собирал подобным образом.

Образно мы можем представить в этом корыстолюбие, жадность, относящиеся к земному, и заблуждение, будто королем является тот, у кого самая большая добыча. На самом деле это всего лишь орехи, которые своей жесткой скорлупой и внутренней формой напоминают мозг, наш интеллект. Нет, таким образом мальчик не должен был соревноваться с детьми. Он приехал из других мест и жил на краю деревни, где на железнодорожном вокзале нес службу его отец, где проходящие поезда и путешественники приносили с собой дыхание большого мира; по своему внутреннему складу он отличался от местных мальчишек. Мальчик общался с бедными жителями деревни, с обитателями так называемых «маленьких домишек»,

которые жили в хижинах у вокзала. Он помогал им при сборе винограда, и как-то раз его пригласили на свадьбу.

Эти образы несут в себе скрытые смыслы. Описание Рудольфа Штайнера, вплоть до сочетания слов и образов вина и свадьбы, указывает нам на христианские мотивы, которые живо дают нам почувствовать жизненный настрой мальчика. Мы можем гораздо лучше увидеть и понять творческое отношение к жизни через созданные поверх слов и мыслей образы и настроения, задевающие живые струны нашей души. Особенно в отношении восприятия высших ценностей нам нужно учиться обращать внимание на такие тонкости.

Именно с таким душевным настроем Татьяна Киселева работала в эвритмии. Чтобы правильно познать ее в этой свойственной ей манере, я решилась передать ее замечательные жизнеописания широкому кругу — тем, кто хочет понять ее подход к эвритмии и значение ее деятельности.

В этом смысле здесь также сделана попытка высказать что-то об эвритмии Татьяны Киселевой, о ее особенностях и красоте, о том, что могло так впечатлять и глубоко охватывать зрителей и учеников. Поэтому прошу прощения у читателей за то, что в книге не только повествуется об усвоенном от Татьяны Киселевой, но приводятся еще и дополнения, основанные на собственном опыте. В большинстве случаев этот полученный мною из упражнений опыт я впоследствии детально обсуждала с Татьяной Киселевой.

Порой, когда нужно было показать, из-за чего у Татьяны Киселевой возникали сложности с коллегами, я пыталась логически объяснить это. Не являясь очевидцем тех событий, могу опираться лишь на скудные сообщения самой Татьяны и на факт существования множества различных точек зрения на эвритмию.

Эти сообщения должны помочь понять, почему эвритмия Татьяны Киселевой не только не была принята многими последующими эвритмистами, но против нее иногда даже активно боролись, и поэтому эвритмия пошла по путям, отличным от тех, которые закладывались изначально. Во времена, когда эвритмия, по мнению многих ее сторонников, переживает значительный кризис, хочется пожелать, чтобы эти записи оказали небольшое содействие в рассмотрении еще некоторых сторон эвритмии — этого необходимого для нашего времени великого подарка небес.

Здесь лишь в общих чертах можно рассказать об эвритмических занятиях, которые мне самой посчастливилось пережить с Татьяной Киселевой. О том конкретном, что она давала своим ученикам, об отдельных деталях, о том, как она воспринимала различные указания Рудольфа Штайнера и самостоятельно с ними работала, будет сообщено в следующей книге.

Мне бы хотелось выразить благодарность за дружеские советы и помощь в процессе создания этой книги профессору доктору Райнхарту Хабелю и моему брату Вальтеру.

Книги Татьяны Киселевой

— *Eurythmie-Erinnerungen aus den Jahren 1912/1927*. Waldhaus-Verlag, Malsch (Kreis Karlsruhe), 1949.

— *Aus der Eurythmie-Arbeit*. Die Pforte, Basel, 1965.

Эти две книги переработаны и объединены в третьей:

— *Eurythmie-Arbeit mit Rudolf Steiner*. Die Pforte, Basel, 1982.

На русском языке эта книга издана под названием:

— *Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером*. НАИРИ, Киев, 2010.

II. Автобиографическое, 1881-1911

1. Детство

Я родилась в то время, когда разгорелись споры между различными партиями, возникшими в России в правление царя Александра II. 1 марта 1881 года царь стал жертвой покушения, организованного террористической группой «Народная воля», которая хотела произвести политическую революцию в преддверии готовящейся социальной революции.

Через 2 дня, 3 марта, в Варшаве родилась я. Варшава в то время входила в состав Российской империи. Мой отец был командующим базирующегося в Варшаве русского артиллерийского полка. Я потеряла его, едва мне исполнилось три года.

После его смерти моя мать с четырьмя детьми переехала в Петербург, где жили ее родители. Совсем рядом, в Царском Селе, летней резиденции царской семьи, жили родители отца с нашими тетями Марией и Лизой. Мой дедушка со стороны матери, Виктор Буняковский (наполовину поляк, наполовину русский), был в то время вице-президентом Академии наук, заместителем президента которой в то время являлся Великий князь. Мы сразу же прониклись сильной, благоговейной любовью к нашему дедушке и восхищением им. Он был знаменитым ученым в области математики, автором нескольких значительных научных трудов, но в то же время восторженным поклонником драматического и поэтического искусства.

Во время летних каникул академики ставили спектакли в своем домашнем театре за городом. Дедушка собирал все стихи,

появлявшиеся в Западной Европе, которые он мог получить, и собственноручно переписывал их в свою толстую тетрадь, где уже содержались настоящие сокровища поэтического искусства.

Мои первые детские воспоминания относятся ко времени жизни в Варшаве. Самосознание пробудилось во мне посреди большой улицы, когда я, ребенок двух с половиной лет, устало брела, держась за руку няни, рядом с коляской моего младшего брата. Вдруг, когда силы окончательно оставили меня от усталости, я начала плакать и отказывалась идти дальше, пока меня, наконец, не посадили в коляску к брату. Вскоре после этого я заболела и долгое время мучилась сильным кашлем.

Однажды, когда я, бледная и грустная, лежала в кровати, в детской появился мой отец с бокалом вина в руке. Он был очень высокий и статный. Склонившись надо мной, отец осветил меня ласковой улыбкой. К ужасу моей матери и других присутствующих, он дал мне выпить глоток из бокала, взял на руки и понес в столовую. Там завел маленькую шарманку, поставил меня на стол и мы стали вместе танцевать: я — на большом, стоящем посреди комнаты столе, он — двигаясь вокруг стола в ритме музыки, оба бесконечно счастливые, — до тех пор, пока шарманка не перестала играть. Я еще продолжала двигаться в такт музыки и радостно смеялась, когда отец прижал меня к сердцу, понес обратно в детскую, уложил в кровать и сказал матери, что если она хочет видеть меня живой и здоровой, то должна следить за тем, чтобы я радовалась и много танцевала. Это был его прощальный, полный любви поступок по отношению ко мне: вскоре после этого мой папа умер. Мама сохранила его слова в своем сердце и старалась придерживаться этого совета. Как она это делала, я напишу позже.

Таким образом, боль и следующая за ней радость — плач и смех, темное и светлое, такие противоположные явления —

стали первыми сознательными переживаниями на пороге моего жизненного пути.

Возможно, помощь отца состояла не только в этом совете давать ребенку много танцевать. 13 апреля 1913 г. в Эрфурте Рудольф Штайнер говорит о том, что рано умерший отец Рафаэля посылал своему сыну силы из духовного мира. Благодаря этому последний смог стать великим художником. Если у отца Татьяны Киселевой были определенные намерения по отношению к своему ребенку, то эти силы воли остались и после его смерти. Можно предположить, что Татьяна находилась под водительством этих сил и они привели ее впоследствии к делу ее жизни.

Итак, в 1884 году мать привезла нас из Варшавы в северную столицу, Петербург. Бабушки и дедушки со стороны матери и отца принимали, особенно поначалу, большое участие в нашем воспитании, каждый на свой манер, так как они сильно отличались друг от друга. У ученого академика и его высокообразованной жены были белоснежные волосы, а у дедушки еще и длинная белая борода. Мы, дети, испытывали бесконечное благоговение и немного робкую любовь к этой уважаемой чете. Два раза в месяц, в воскресенье после обеда, нас приводили в большой, украшенный колоннами дом Академии наук на Невской набережной, где жили дедушка и бабушка. В красивом аристократическом зале их квартиры нас сажали в удобные кресла рядом с другими родственниками, взрослыми и детьми, которые имели обыкновение там собираться. Все молчали или в крайнем случае шепотом обменивались парой слов и ждали, пока откроется дверь и появятся оба супруга — глава семейства и его жена. Тогда все как один вставали, и сердечно любимые всеми старики обходили и приветствовали по кругу каждого в отдельности, расспрашивая и одаривая дружескими словами. Для меня

добрые, торжественные дедушка и бабушка были некими божествами, спустившимися к нам с небес, в их присутствии я всегда вела себя тихо и была молчалива.

После обеда нас, детей, отводили в особую комнату. Но и там мы тихо сидели в кругу и не испытывали потребности двигаться или устраивать громкие игры. Зато хотелось слушать. Вскоре выяснилось, что я могу рассказывать захватывающие истории. Я чувствовала себя в эти воскресные дни у «белых» дедушки и бабушки, так сказать, инспирированной и могла неожиданно для самой себя без подготовки рассказать что-нибудь необычное.

Совсем по-другому проходили другие воскресенья, которые мы проводили в Царском Селе. Родители моего покойного отца сильно отличались от родителей матери. У них были темные волосы (а у дедушки даже не было бороды) и они были одарены пылким, страстным темпераментом. При звуке колокольчика, извещающего о нашем прибытии, все члены семьи — дедушка, бабушка и тети Маша и Лиза — выбегали в переднюю, высвобождали нас из пальто, шапок, муфт и т.п. и в четыре голоса наперебой рассказывали, сколько всего они для нас приготовили... Нас при этом буквально разрывали на части. День проходил очень ярко и разнообразно. Столько переживаний мы не получали за все две недели ни до, ни после таких воскресений. В последующие дни маме всегда приходилось держать нас в постели, поскольку мы были перекормлены и перенасыщены множеством впечатлений.

Наша вечерняя молитва звучала так: «Господи, храни нашу маму, братьев и сестер, дедушку и бабушку белых, дедушку и бабушку черных и всех людей».

Кто был в Варшаве и в Петербурге, знает, что у этих городов есть что-то общее. Оба лежат на равнине, пронизанные течением широкой реки, что постоянно окружает город свежим,

подвижным дыханием. Висла, текущая с гор, прежде чем оказаться в Варшаве, проходит длинный путь через исторически значимые польские города и земли, и такой же путь открывается за городом. Нева же, из которой берут начало похожие на моря большие озера Русского Севера, на своем коротком пути приносит в город только широту и красоту практически нетронутой природы, чтобы вскоре после этого раствориться в Балтийском море.

Обе реки своим величием и спокойным течением накладывают отпечаток на образ города, который перенимает что-то от них в планировке, зданиях, широких улицах и площадях и воспроизводит это в себе как возвышенную, несокрушимую силу. Для нас, западных европейцев, это непривычно и ошеломляюще. В обоих городах располагаются резиденции правителей, которые, особенно в Санкт-Петербурге, делали все возможное, чтобы продемонстрировать свои богатства в искусстве, в блеске и великолепии роскоши, в разнообразии позолоченной пластики. И поскольку бедные кварталы как бы в смущении спрятаны, скрыты в стороне, в обоих городах нет ничего мелкого — одно лишь благородство.

Татьяна мало помнила Варшаву того времени — только большие, широкие улицы, на которых разыгрывались представления марионеток: прогуливаясь, танцуя, прыгая поверх ширм, они развлекали публику. Однако этот город не мог не повлиять на первые годы, детства. Санкт-Петербург же надолго остался глубоким впечатлением в ее сердце.

Дворец на Васильевском острове, на берегу широкой Невы, где располагалась Академия наук и куда ее приводили в гости к «белым» дедушке и бабушке, представлялся детской душе еще чем-то недоступным, каким-то неизведанным миром, приблизиться к которому можно было только с благоговением и после тщательной подготовки.

В расположенном к югу от города Царском Селе, куда можно было за полчаса доехать на поезде, все было совсем по-другому. Там слегка холмистая местность была полна очарования — как сельского, деревенского колорита, так и царского великолепия летних резиденций и парков. Парки там отличаются разнообразием планировки, в них множество озер, прудов и ручьев с маленькими фонтанами, ничего огромного, все с любовью вписано в ландшафт, украшено небольшими постройками и скульптурами, переменчивая игра красок, наполненная переплетением света и тени. Отчасти встречающиеся и там позолоченные произведения искусства находятся в созвучии с природой, сливаются с ней и смягчаются ею, они венчают природу творениями, на которые способен человеческий дух и человеческая рука. Неповторимое зрелище, в котором души детей находили то, что было им близко.

Этот контраст между городом и деревней и впечатления от таких разных родителей отца и матери жили в Татьяне Киселевой до глубокой старости. Могло показаться, что она рождена из этих контрастов. Это проясняет непонятный многим, загадочный склад ее характера. Мы будем все время находить в ней подобные противоположности.

По прибытии из Варшавы в Санкт-Петербург на время, пока мама была занята обустройством нашей квартиры, двух старших сестер, Людмилу и Ксению, забрали к себе «белые» дедушка и бабушка, а меня и брата Владимира (Волю) — «черные» дедушка и бабушка. Тетя Лиза была совершенно счастлива, что мы на несколько недель оказались в ее квартире. Каждый день она приводила нас в свою комнату и разыгрывала перед нами «театр». В Варшаве мы уже видели уличных кукол-марионеток, их называют «шопки», они подпрыгивают над высоко установленной ширмой, выкрикивают что-то

непонятное и собирают вокруг себя толпы людей. Эти уличные представления я воспринимала как во сне.

В голубой комнате тети Лизы разыгрывалась драма, в которой она была единственной актрисой. Начало было очень подвижным и волнующим, каждый раз нам казалось, что в игру вовлечено много людей. В середине спектакля все, вероятно, уходило. Тетя Лиза умолкала и набожно, со сложенными в молитве ладонями вставала на колени. Затем она замертво падала на пол. После короткой паузы тетя поднималась, тихо и благоговейно, и медленно, просветленно-торжественно покидала комнату. Этот спектакль повторялся каждый день, нам с братом он нравился. Когда мы вернулись домой, мой брат разыграл весь драматический ход спектакля перед удивленными взглядами мамы и других родственников. «Он показывает театр тети Лизы», — объяснила я.

Тетя Лиза, возможно, стала бы актрисой, если бы не относилась к тому слою общества, в который, несмотря на любовь к театру, никто никогда не пригласил бы актера или тем более актрису. Таковы были нравы — человеку сцены не доверяли, в нем предполагали склонность к авантюрам. В то время актеры отличались тем, что были чисто выбриты, тогда как другие мужчины обыкновенно носили усы или бороду. Актрис не признавали, потому что они красились, что воспринималось как большая непристойность. Военноаристократическая семья никогда бы не позволила, чтобы их дочь стала профессиональной актрисой.

Тетя Лиза была наделена богатой фантазией, занималась сочинительством, при этом родственники ничего не знали о ее многочисленных литературных начинаниях. Она была одинокой, внутренне самостоятельной личностью, которая с юности видела перед собой высокую цель. После смерти родителей тетя отказалась переехать к старшему брату, который

в порядке исключения не был офицером, как это было принято в семье, а стал инженером, начальником большого участка железной дороги на Волге, позднее — на Урале. Со своим многочисленным семейством он вел веселую светскую жизнь. Тетя Лиза продолжала жить одна в Царском Селе, в довольно странной квартире, где был большой, очень высокий круглый белый зал с мебелью, обтянутой белым шелком, и лакированным белым роялем. Внутренняя лестница вела на высоко расположенную галерею, которая проходила по окружности всего зала. Рядом с этим торжественным залом находилась маленькая кухня и маленькая спальня с большой иконой Богородицы, перед которой всегда горела лампадка. Домочадцем был говорящий попугай.

Каждое лето мама арендовала небольшой особняк рядом с финской железной дорогой или домик на берегу Балтийского моря. Местечко Парголово на финской железной дороге было окружено густым еловым лесом, куда няня каждый день водила нас гулять.

Как-то раз, когда мы собирали ягоды, мой брат подошел ко мне и таинственно прошептал на ухо: «Если пойдешь по этой тропинке все дальше и дальше, потом повернешь направо, потом налево, потом снова прямо, то увидишь чудо, но только нельзя оборачиваться. Если хоть раз обернешься, то чуда не увидишь!» — «А ты видел его?» — спросила я. — «Я знаю, что говорю», — ответил он и быстро убежал.

Я же сделала все, как он сказал: шла все дальше, потом свернула, не обернувшись, вся погруженная в мысли о чуде — что это может быть? Между тем в большом густом лесу становилось все темнее, наступали сумерки. Я продолжала путь, мне не хотелось возвращаться домой, не увидев чуда. В конце концов, я устала и присела отдохнуть. Я долго сидела под деревом, но мысленно, в своих фантазиях, продолжала искать

чудо. Я не кричала и не слышала, чтобы кто-то звал меня. Наконец, старшие дети нашли меня, их послала мама после возвращения перепуганной няни. «Что на тебя нашло, почему ты убежала и одна часами бродила по лесу? Разве ты не слышала, как тебя звали?» — спросила мама. «Нет», — ответила я и спросила брата: «Я не встретила чуда... Ты уверен, что оно в нашем лесу?» Он выглядел совершенно спокойным и заверил меня в этом. «Тебе не страшно было одной в темном лесу?» — спросили меня. «Нет, чего мне было бояться? Только не могу понять, почему я не смогла найти чудо, я же правильно шла и ни разу не обернулась».

Засыпая, я все продолжала думать о случившемся и твердо решила когда-нибудь найти чудо, чего бы это ни стоило. Мне было тогда пять лет, брату — на год меньше.

Я бесконечно благодарна своей матери за то воспитание, которое получила в дошкольном возрасте — на мой взгляд, оно очень хорошо повлияло на развитие моих способностей. Моя мать, Людмила, младший ребенок в семье, получила жизненную подготовку, которая отличалась от выпавшей на долю старших детей. Ее братьям и сестрам достались традиционные для середины XIX века воспитание и образование, в основном ими занимались русские и французские воспитатели и учителя. Мой дедушка, выросший в Париже, посещавший там школы и впоследствии ставший доктором математических наук в Парижском университете, был также большим знатоком французской литературы. Как ни странно, когда его младшей дочери исполнилось семь лет, он решил отдать ее, воспитывавшуюся до этого старой няней-крестьянкой на народных сказках и песнях, в немецкую Петропавловскую школу. Он сделал это наперекор всем нравам и обычаям того времени и вопреки протестам родственников, а также несмотря на то, что ребенку приходилось прилагать в первые годы

большие усилия, чтобы учиться наравне с немецкими детьми. Только в десять лет Людмиле это удалось. Но потом она тяжело заболела, и врач уже потерял надежду спасти умирающую девочку. Поддавшись на отчаянные мольбы отца о спасении ребенка от смерти, врач решился на последнюю попытку и опустил пребывающую в жару девочку в ванну с холодной водой. После этого она несколько часов лежала как мертвая, а затем стала медленно приходить в себя. После такого «чудесного исцеления» отец позволил ей ходить в русскую школу.

В последующие годы мама отличалась необыкновенной жизненной силой, красотой и бьющими через край, заражающими всех весельем и предприимчивостью. Эти качества были присущи ей и в дальнейшем. Она всегда была в центре большого круга людей, и ее имя — Людмила (милая людям) — соответствовало характеру ее отношений с людьми. Она была наделена способностями к искусству, хорошо играла на фортепиано. Однако ее страстью была верховая езда. Во время занятий верховой ездой в петербургском манеже она познакомилась с моим отцом, который, будучи артиллерийским офицером, тоже был прекрасным наездником. После свадьбы мама переехала к нему в Варшаву.

Я родилась там вскоре после смерти моего старшего брата Алексея, четвертым ребенком в семье. Наш дом был, как говорят в России, полной чашей. Любой человек из большой отцовской полковой семьи, чувствовавший себя одиноко или переживающий какие-либо физические или душевные трудности, мог прийти к нам в гости на обед или ужин и чувствовать себя как дома.

Любовь моей матери к лошадям могла проявляться здесь во всей полноте. Ей доставляло особенную радость объезжать норовистых лошадей, которые сбрасывали седоков. Она

мастерски усмирляла протестующего скакуна, который сначала старался скинуть ее, но, так и не справившись с наездницей, молниеносно пронесся перед испуганными взорами офицеров и солдат и исчезал вдаль, чтобы спустя несколько часов появиться перед домом моего отца со своей полюбившейся отважной победительницей — с этого дня готовый подчиняться и принимать других наездников. Из всех, кто наблюдал за этими укрощениями строптивости, мой отец был единственным, кто никогда не боялся за нее. «Ах, — говорил он, — Милочка (так он называл маму) и с этим справится».

Кроме лошадей, которые принадлежали нашей семье и которых запрягали в экипажи, у нас были еще маленькие северные олени для изящной коляски, в которой старшие сестры ездили гулять. Впереди маленького экипажа с поводьями в руках шел находящийся на личной службе у моего отца денщик. О нашей семье он всегда говорил «мы» и был большим любителем животных. В маленькой каморке у кухни он держал молодого поросенка и очень заботился о нем. Поросенок часто появлялся в его сопровождении в нашей столовой, когда мы собирались за столом, и получал от матери что-нибудь вкусное.

Сама я плохо помню то время. Когда мы уже жили в Петербурге, я часто слышала, как старшие сестры, особенно Мила, самая старшая, рассказывали о варшавской жизни, об отце, которого Мила бесконечно любила, о большой семье офицеров, которые так хорошо чувствовали себя у нас дома, о веселых праздниках, красивых лошадях и других животных. Нигде не было так красиво, так хорошо, так интересно, как в отцовском доме. Никогда больше Мила не была так счастлива.

Ее тоскливое, унылое настроение очень беспокоило маму. Она брала сестру в театр, на концерты, но Мила не радовалась

этому. Тогда мама отправила ее на какое-то время в Самару, на Волгу, в семью моего дяди Алексея, который в то время был там начальником крупной железнодорожной линии и у него были дочери одного с Милой возраста. Жизнь там была бесконечным праздником с выездами на пикники, балами, музыкальными вечерами и множеством других развлечений. Но Мила писала: «Мне скучно здесь, забери меня домой».

В возрасте десяти лет ее поместили в школу-интернат «Патриотический институт». Она всегда была очень серьезной и взрослой. Когда на Рождество она приехала домой, то попросила маму отправить «детей» гулять, поскольку нуждалась в полном покое. Пока мы гуляли, Мила написала завещание. Потом позвала нас одного за другим к себе, обласкала и вручила каждому пакет со своими куклами и другими игрушками. В последние дни своих каникул она занималась тем, что наряжала меня в остатки тканей и лент, рассказывая при этом всевозможные истории о дальних странах и народах. Вскоре после Рождества Мила умерла в институте после непродолжительной горячки. Ее гроб был поставлен на гроб отца. Мы часто и с охотой ездили на могилу на кладбище Новодевичьего монастыря. По дороге туда мы проезжали мимо большого поля, где «находили пристанище» бездомные. Худые и бледные, они лежали или сидели там, закутанные в свои лохмотья. Эти переживания мира мертвых и мира бедных, униженных всегда затрагивали нас до глубины души.

Моя сестра Ксения, на два года старше меня, была бойким и очень здоровым ребенком с румяным лицом и белокурыми волосами. Она обладала богатой фантазией, придумывала интересные игры, всегда с одним и тем же основным мотивом. Она брала носовой платок, показывала нам два кончика в форме ушек и говорила: «Теперь тяните один конец. Если он будет с узелком, тогда в нашей игре победит зло, темные силы.

Вы встретитесь с ужасными опасностями и погибнете в борьбе против врагов. Если вытянете кончик без узелка, то победит добро, светлые силы». В соответствии с этим она все устраивала и весь день руководила нашими играми. Поражение в борьбе против темных сил сменялось радостными победами. В общении со взрослыми Ксения была, особенно по мере взросления, молчалива, очень скромна и немного застенчива.

У моего брата Владимира (Воли) был волевой характер, с самого начала он энергично добивался своего, со странным спокойствием стоял на своем, чего бы ему это ни стоило. Например, его не могли никакими средствами заставить есть мясо. Незаметно от всех сидящих за столом он кусок за куском скидывал под стол свою порцию, а наша собака следила за тем, чтобы оно исчезало с пола. При этом Воля изображал прожевание кусков, а мама, одобрительно взглянув на его пустую тарелку, хвалила его и называла молодцом. Но как-то раз собаки не было, и обман раскрылся. Горка мяса под столом в том месте, где сидел мой брат, однозначно свидетельствовала против него. С тех пор собаку больше не пускали к нам во время трапезы, а за братиком внимательно наблюдали. Но он продолжал энергично сопротивляться и не ел мясо. Иногда ему приходилось смиряться. В конце концов, однажды случилось так, что несколько недель его жизнь была в опасности. После выздоровления ему позволили есть то, что он хотел, и вообще осуществлять свои желания, несмотря на необычные потребности и странное времяпрепровождение.

В то время как я и моя сестра Ксения начали писать и читать в возрасте от пяти до шести лет, ничто в мире не могло заставить моего брата овладеть какими-либо школьными навыками. Он нарочно ломал карандаши, проливал чернила, разрывал книги, постоянно сопротивлялся, принимая на себя все негативные последствия. Только к рисованию он проявлял

желание, и то на свой манер. Сидя на коленях матери, он наблюдал за людьми, с которыми она разговаривала, и рисовал их в странных картинах. Дяде Косте он нарисовал человеческую голову на змеином теле. «А где же руки и ноги дяди? — спрашивали его. — Посмотри внимательно на дядю!» «Он нарисован так, как выглядит!» — возражал мой брат. Этот дядя, бывший человеком оторванным от жизни, без почвы под ногами, не знавший, как себя применить, вскоре покончил с собой.

Ребенком Воля был маленького роста, но плотного телосложения, с тонкими чертами лица и острым наблюдательным взглядом. Во всех своих высказываниях и поступках он отличался необычайной самостоятельностью. Его любимой игрой была проводившаяся им одна церемония служения природе. На своего рода алтарь, сооружаемый Волей из досок или земли, он укладывал разные растения, которые наделял выдуманными именами — например, маленькие макообразные растения, выкопанные им в лесу, называл «братьями Пани-фини». Перед этим алтарем Воля устраивал службу, во время которой обходил алтарь и обращался к растениям и животным с придуманными им самим изречениями.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ